

Взмах — и клинок опустился. Тесак с размаху вонзился в запястье, которое Ло Шэнцзе выставил вперед, пытаясь защитить свою шею. Кисть Ло Шэнцзе, словно хрупкая редиска, была отсечена начисто. Брызнувшая кровь в одно мгновение залила большую часть тела Цайтоу, превратив его в живое кровавое месиво.

Среди пронзительных, раздирающих душу воплей Ло Шэнцзе Чэнь Цзяньхэ оцепенело смотрел на знакомое лицо Цайтоу, освещенное лампами и залитое алой кровью, — лицо, которое сейчас казалось ему чем-то чужим, словно маской. Он смотрел так, будто видел его впервые в жизни. Виски пульсировали от бешеного стука сердца.

— Ты... как ты мог... как ты на самом деле...

Цайтоу стер рукой кровавые капли с ресниц и, улыбаясь, перебил его:

— Разве я не говорил тебе раньше? Ради А-Хэ я готов на всё.

Услышав это, Чэнь Цзяньхэ вздрогнул. Ему показалось, что невидимые тиски сжали его горло, и даже широко открыв рот, он едва мог вдохнуть, задыхаясь.

— В том числе и на убийство?

— В том числе и на убийство.

На лице Цайтоу заиграла ясная улыбка, а в глазах вспыхнул чистый, ослепительный свет. Сказав это, он снова поднял тесак и, прищурившись, прицелился в шею корчащегося от боли Ло Шэнцзе, собираясь покончить с ним раз и навсегда.

Пока Чэнь Цзяньхэ стоял в ступоре, не зная, что предпринять, Чжоу Ши вложил ему в руку уже набранный на телефоне номер экстренной службы, а затем, выбрав момент, зашел со спины Цайтоу. Он обхватил его шею левой рукой, а правой схватил за запястье и с силой рванул назад, намертво блокируя все движения.

Скорая помощь и полиция прибыли почти одновременно. В ту хаотичную ночь Цайтоу и Чэнь Цзяньхэ были арестованы и им предъявили обвинения.

В выходной, когда Чжоу Ши кормил бездомных кошек в сквере, он снова встретил Чэнь Цзяньхао. Тот был в белой футболке, светло-голубых джинсах и кедах, а на его лице играла легкая, едва заметная улыбка.

— Какое совпадение, снова встретились.

Чжоу Ши мягко улыбнулся ему и напечатал в телефоне: Какое совпадение. Теперь мы можем обменяться номерами?

— Ты всё еще помнишь об этом?

Чэнь Цзяньхао взял телефон из рук Чжоу Ши, вбил десятизначный номер, сохранил свое имя и вернул устройство обратно.

— Готово. Если захочешь найти меня — пиши сообщения.

Чжоу Ши кивнул и напечатал вопрос: Ты выглядишь очень расстроенным. Что-то случилось?

Чэнь Цзяньхао слегка изогнул губы:

— Дома возникли кое-какие дела, ничего особенного. Но почему ты каждый раз говоришь, что я выгляжу расстроенным? Такое ощущение, что ты действительно видишь мое истинное настроение.

Он был не по годам развит и с детства привык прятать свои настоящие чувства глубоко внутри. Какими бы тяжелыми и гнетущими ни были мысли, он умел подавлять их в себе, демонстрируя окружающим безупречный фасад. Столько лет даже близкие не замечали, что на самом деле он вовсе не такой жизнерадостный, каким кажется. И надо же было такому случиться, чтобы эти тщательно скрываемые печаль и тоска были раз за разом замечены парнем, с которым он виделся всего несколько раз. Это было довольно необычно.

Чжоу Ши ответил: Человек счастлив или нет — это очень заметно, если быть внимательным. Я понял, что ты несчастлив, просто посмотрев тебе в глаза.

Значит, мои близкие никогда не были по-настоящему внимательны ко мне. Им достаточно видеть ту прекрасную иллюзию, которую я им показываю, чтобы успокоиться.

Чэнь Цзяньхао опустил ресницы и шутливо добавил мягким тоном:

— Тогда ты довольно пугающий человек. Я теперь даже боюсь смотреть тебе в глаза — вдруг ты увидишь все мои мысли?

Чжоу Ши поспешно напечатал: Это невозможно. Я совсем не страшный. Я просто сужу о твоём настроении по выражению лица и взгляду, читать мысли я точно не умею. Прости, я тебя побеспокоил?

Увидев текст на экране, Чэнь Цзяньхао искренне улыбнулся, и его гнетущее настроение немного отступило.

— Ты что, принял это всерьёз? Я же просто пошутил. Это мне стоит извиняться.

Закончив фразу, он увидел, что парень перед ним улыбнулся, прищулив глаза. У того были тонкие черты лица и мягкая улыбка. Когда он вот так прищуривался, его взгляд напоминал чистый, молодой месяц — в нём было что-то неописуемо прекрасное, от чего у Чэнь Цзяньхао екнуло сердце. То самое странное чувство трепета, которое уже возникало однажды, вернулось вновь.

Вокруг струился яркий солнечный свет. Чэнь Цзяньхао коснулся своего разгоряченного лица

и, помедлив, спросил:

— У тебя есть сегодня время? Хочешь сходить со мной в зоопарк?

Чжоу Ши тут же согласно кивнул с улыбкой.

Зоопарк находился недалеко от сквера. Они пошли по тенистой аллее и через десять минут были на месте. Поскольку был выходной, посетителей с семьями было много. У входа толпилась огромная очередь, было шумно и тесно.

Небо было ясным, глубоким и чистым, облаков почти не было. Погода стояла прекрасная, но палящее солнце заставляло многих морщиться и вздыхать.

Внутри зоопарка поток людей быстро рассеялся, а воздух стал свежим благодаря густым деревьям. Под палящим солнцем пруд в африканской зоне, имитирующий водоемы саванны, сверкал яркими бликами. Зебры и жирафы, измученные жарой, сбились в тени деревьев у воды, пытаясь спрятать свои массивные тела от беспощадных лучей.

Глядя на животных, прячущихся в тени, Чэнь Цзяньхао внезапно ощутил неясную грусть. Как же он хотел бы, подобно этим животным, найти хоть какую-то тень, чтобы укрыться. Он отвел взгляд от зверей и посмотрел на того, кто стоял рядом:

— Чжоу Ши, как ты думаешь, что на этом свете самое справедливое?

Чжоу Ши без колебаний напечатал ответ: Время.

— Время? Хм, пожалуй.

Чэнь Цзяньхао кивнул и добавил:

— А я думаю, что солнце.

Чжоу Ши напечатал: Почему солнце?

Может, потому что парень рядом не мог говорить и был словно дупло в дереве, куда можно выговориться; может, из-за того, что его любопытный и мягкий взгляд заставлял сердце трепетать; а может, из-за дерева, облака или луча солнца, упавшего на веки — но его душа вдруг словно дала трещину, и в ней образовалось мягкое отверстие, породившее жгучее желание выплеснуть свои самые сокровенные мысли, которые он не хотел открывать никому.

Чэнь Цзяньхао прищурился и мягко улыбнулся:

— Потому что независимо от широты, места или расы, солнце одинаково светит каждому. Поэтому я считаю, что самое справедливое в мире — это солнце.

Говоря это, он улыбался, но в его глазах не было ни ряби, ни движения. Его взгляд скорее напоминал не спокойное озеро, а застоявшуюся воду.

Чжоу Ши интуитивно почувствовал, что Чэнь Цзяньхао назвал лишь поверхностную причину, а истинная скрыта глубоко внутри. Он напечатал в телефоне: Если солнце самое справедливое, почему же тебе так больно, когда ты об этом говоришь?

Тени под деревьями были полностью заняты животными. Солнце стояло в зените, заливая всё вокруг светом, и спрятаться было негде.

— Потому что я не нашел тени, в которой мог бы укрыться. Смотри, у зебр и жирафов есть тень, а у меня нет.

Чэнь Цзяньхао прикусил губу, поднял лицо к небу и, щурясь, посмотрел на солнце:

— Раньше в автобусе ты спрашивал, не Сыма Гуан ли я в чане. Я не ответил. Теперь могу сказать: нет. Потому что даже у того Сыма Гуана в чане была тень, где можно было спрятаться, а у меня — нет. У меня нет ни чана, ни темного угла, только солнце.

Из-за того, что он смотрел прямо на светило, яркий свет обжигал сетчатку, и к середине фразы перед глазами всё поплыло, стало черно. И только когда теплое дыхание собеседника смешалось с его собственным, Чэнь Цзяньхао, ослепший от яркого света, осознал, что тот стоит совсем близко.

Не успел он понять, почему парень подошел так близко, как в следующую секунду сухая теплая ладонь накрыла его глаза.

Солнце и горячий ветер заставляли листву шелестеть, этот звук отдавался в ушах и в самом сердце, заставляя его биться чаще. Чэнь Цзяньхао закрыл глаза и тихо спросил:

— Что случилось?

Спросив, он тут же вспомнил, что собеседник не может ответить. Замерев на мгновение, он поднял руку и накрыл ладонь, лежавшую на его глазах. Кончиками пальцев он осторожно ощупал выступающие костяшки пальцев Чжоу Ши, а затем просунул свои пальцы в промежутки между его, сцепляя руки.

Их переплетенные пальцы медленно опустились вместе с ладонью, открывая глаза Чэнь Цзяньхао.

Он медленно поднял веки и увидел лицо парня, который смотрел на него с легкой улыбкой, отчего сердце Чэнь Цзяньхао снова забилось в бешеном ритме. Он крепче сжал его руку и, глядя на того, кто только что заслонил его от солнца, спросил:

— Что это значит?

Чжоу Ши поднял телефон и показал заранее набранный ответ: Если хочешь, можешь спрятаться в моей тени.

— Спасибо тебе, — Чэнь Цзяньхао улыбнулся, прищурив глаза. Легкий горячий ветерок трепал его волосы, и эта улыбка оживила всё его лицо — он был похож на поэму или картину.

Чжоу Ши понимал, что Чэнь Цзяньхао не собирается полагаться на него, и поблагодарил лишь потому, что почувствовал утешение. Возможно, потому, что до сих пор он не показал себя человеком, на которого можно опереться. Ведь в глазах большинства он был лишь человеком с тяжелой инвалидностью, тем, кого нужно защищать, а не тем, кто может защитить других.

Он не стал спешить доказывать обратное, лишь мягко улыбнулся и, не разжимая рук, повел Чэнь Цзяньхао в сторону зоны умеренного климата.

К тому времени, как они обошли зоопарк, наступили сумерки. Чэнь Цзяньхао сказал, что дома дела, поэтому Чжоу Ши проводил его до автобусной остановки.

Рядом с остановкой был магазинчик. Чжоу Ши зашел внутрь, купил коробку шоколада и бутылку ледяной воды, вручил их Чэнь Цзяньхао, а выйдя, на ходу напечатал: Шоколад помогает мозгу вырабатывать серотонин, а он положительно влияет на настроение. Когда тебе будет грустно — съешь кусочек, и станет легче.

Чэнь Цзяньхао с улыбкой кивнул:

— Спасибо. Но я еще даже не доехал до дома, а ты уже знаешь, что мне будет грустно.

Как только он закончил говорить, к остановке подъехал автобус до Синьгуанлу. Он улыбнулся, помахал Чжоу Ши рукой, попрощался, а когда автобус тронулся и фигура парня осталась позади, его улыбка погасла, и он тихо вздохнул.

Завтра должны объявить результат суда над его младшим братом, Чэнь Цзяньхэ.

<http://bllate.org/book/20953/2124466>